

Девушки из хижины

Автор:

Минка Кент

Девушки из хижины

Минка Кент

Высшая лига детектива

В лесной глуши есть хижина, там живут две девушки. В их хижине нет электричества и почти не осталось еды. Однако они преданно ждут Маму и не рискуют выходить из леса в опасный внешний мир. Ждут уже шестьдесят три дня. А где-то далеко, в особняке у края леса, Николетта перебирает в комод вещи своего мужа Бранта и случайно находит фотографию. Брант давно ведет себя странно, снимает тайно деньги со счетов и скрывает свои телефонные звонки. Но именно это фото заставляет Николетту впервые испугаться.

Минка Кент

Девушки из хижины

Minka Kent

The stillwater girls

Copyright © 2019 by Nom De Plume LLC

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2020

Моим дорогим.

И моему дорогому

Глава 1

Рен

Шестьдесят три дня – вот как долго нет Мама. Я скребу мелом по доске, ставлю крестик в календаре на двадцать первом ноября.

Иви, где бы она сейчас ни находилась, в следующий четверг исполнится девять.

Представляю ее кривую улыбку, светлые кудряшки, костлявые коленки и улыбаюсь про себя, но всего лишь на секунду.

Трудно улыбаться и негде взять сил, когда пальцы превратились в сосульки, желудок сводит от голода, а веки отяжелели так, что ты не можешь их поднять.

В последнее время Сэйдж завела привычку возиться с куклой, которую я сшила ко дню рождения Иви, хотя восемнадцать не самый подходящий возраст для таких забав. Думаю, ее это утешает – держать что-то в руках и укачивать, как делала Мама.

Мне утешения не нужны.

Мне бы только выжить.

С каждой ночью в домике все холоднее, и мы договорились вставать по очереди, чтобы поддерживать огонь. Прошлой ночью Сэйдж проспала; я проснулась и тряслась от стужи так, что едва выбралась из постели, а когда наконец отыскала во тьме спички, дыхание вырывалось изо рта клубочками пара.

Никогда еще я так не замерзала; холод пробирал до костей, и они, казалось, вот-вот захрустят и треснут.

За стеной воет ветер; Сэйдж готовит на завтрак яйца над потрескивающим огнем. Тряпичная кукла отдыхает на стуле, смотрит мертвыми глазками-пуговицами и ждет.

Мы всегда ждем.

Запасы между тем подходят к концу, и до прихода суровой, судя по всему, зимы остаются считанные недели. Утки и гуси в этом году улетели на юг раньше обычного, а пауки тучами лезут в жилище и плетут огромные паутины. Мама всегда говорила, что это верная примета.

За прошлый месяц мы потеряли пятерых из наших восьми кур и сами не знаем, как и почему. Будь здесь Мама, она бы знала. Каждое утро, когда мы проверяем курятник, я боюсь найти еще одну мертвую птицу, которую расклевывают оставшиеся в живых. Не хочется думать, что случится, когда подохнут оставшиеся три.

Может, они заболели, как Иви?

Хворает ли она до сих пор?

Думаю, что да, потому что вестей от Мама нет с тех пор, как они ушли среди ночи за помощью. Сестренка вся горела, с трудом дышала, и в груди у нее скрежетало – такой звук бывает от камешков в жестяной банке. Мама укутала нашу младшую сестру в шерстяные одеяла, собрала небольшую сумку, и мне в память врезалось выражение ее глаз. Я вижу их ясно каждый раз, когда закрываю глаза.

Мама никогда не паниковала, но в ту ночь ее охватила паника.

Напоследок она сказала: «Никому не открывайте дверь. Никому, девочки, вы меня поняли?»

Она сжала губы, еще крепче прижала к себе обессиленную Иви, и взгляд ее дрогнул. Мгновение спустя они ушли и исчезли в лесу, обступившем со всех сторон наш участок. Сердце мое билось как сумасшедшее; я смотрела ей вслед, а когда блеклое платье Мамы слилось с тьмой и растворилось, заперла дверь.

Они уже давно должны были вернуться.

Глава 2

Николетта

Мне отчаянно требуется какой-нибудь лейкопластырь, чтобы скрепить наши брачные узы.

Но лейкопластыри не пригодны для зияющих ран.

Их применяют для царапин, заусенец и порезов бумажным листом – тех ранок, что быстро заживают и исчезают без следа. А наш брак – рваная рана, из которой хлещет, вытекает все то доброе, что необходимо для выживания, что делает нас одним целым. И подходящего жгута поблизости не видно.

Я не знаю, как это остановить.

Знаю только, что должна пытаться... потому что я теряю его.

– Они сказали, что мы можем планировать наше домашнее обучение, когда захотим. – Я стою у плиты, обжариваю на сковородке «Ле Крезет» чеснок с капустой, и муж поднимает взгляд от ноутбука, стоящего на кухонном столе. – Еще немного, и у нас будет разрешение на усыновление в штате Нью-Йорк.

Брант поправляет на переносице очки в тонкой оправе, и я жду улыбки или какого-то знака, подтверждающего, что ему эта новость приятна, но напрасно.

– Они сказали, что после того, как нас одобряют, может пройти целый год, прежде чем мы станем приемными родителями, – добавляю я, стараясь справиться с чувством вины. Оно накатывает каждый раз, когда муж не выказывает воодушевления. – Но иногда это происходит сразу. Тут не угадаешь.

Брант снова переводит взгляд на экран – он занят, редактирует фотографии для предстоящих выставок. Музей современного искусства «Беллхаус» на Манхэттене решил в течение следующих четырех месяцев выставлять его работы. С тех пор, как мы получили эту новость, муж просто сам не свой и то и дело выходит из себя, хотя всю жизнь мечтал, что его работы будут признаны и выставлены на всеобщее обозрение таким всемирно известным учреждением.

Деревянной ложкой я сталкиваю тушеную капусту и поджаренные кусочки чеснока на сервировочную тарелку, вытираю руки о фартук и проверяю, как прожарился цыпленок.

– Ты можешь представить, что здесь будут бегать дети? – спрашиваю я с усмешкой.

Я могу.

Я уже представляла себе это тысячу раз. Может, больше.

Вот как бывает, когда в двадцать два встречаешь мужчину своей мечты, выходишь за него замуж, решаешь повременить с детьми, чтобы вместе ездить по миру, пока он фотографирует самое прекрасное, что есть на планете. А потом в двадцать пять теряешь сознание, оказавшись на операционном столе по поводу экстренной гистерэктомии.

– Мне никто не нужен, кроме тебя, Ник. Ни в прошлом, ни в будущем, – сказал Брант, когда в то утро меня везли из операционной. Он держал меня за руку, целовал мои пальцы, неотрывно смотрел в глаза, пока меня не накрыла теплая волна его любви и уверенности. Это единственное, чем мне по-настоящему запомнился тот день. Остальное смазалось и померкло. Остальное смыли годы усилий, в течение которых я старалась забыть о своем богоданном женском

естестве, отнятом у меня так внезапно и бесповоротно.

Оказывается, утрата способности иметь детей отнюдь не подавляет стремления быть матерью. Она лишь делает его менее осуществимым, как недоступный предмет мечтаний, убранный на самую верхнюю полку, когда поблизости нет лестницы.

Кстати, о мечтах. Прошлой ночью мне опять приснился сон про детей. Тот, в котором я прекрасным осенним днем толкаю перед собой по парку прогулочную коляску и, только опустив взгляд, обнаруживаю, что она пуста.

Она всегда пуста.

А потом я, как обычно, просыпаюсь в холодном поту и с зияющей пустотой в груди, постепенно осознавая, что все это не наяву.

Ребенка нет. И никогда не было.

Мое подсознание – жестокая трусливая сука. Она показывается только тогда, когда я не в состоянии отогнать ее, заткнуть ей пасть и заставить умолкнуть.

Я понимаю.

Я пуста.

Я хочу того, чего не могу получить.

– Ты уже редактировал эти снимки сотни раз, – говорю я, снимая цыпленка с ультрасовременной плиты в нашей ультрасовременной кухне. Все это стало нашим подарком самим себе на Рождество два года назад. Вот какие вещи волнуют нас, когда нет детей. Но чего мне не суждено, так это хоть бы раз стереть с нержавеющей стали следы липких пальчиков.

Брант игнорирует мое замечание.

Я игнорирую боль от понимания того, что в его жизни я на втором месте – после работы.

Так было всегда. В какие-то годы лучше, в другие – хуже, но никогда не было так плохо, как в последние пару лет. Временами ловлю себя на том, что безрассудно ревную мужа к работе, словно к любовнице, дающей ему все, что он пожелает, и чувствую себя неадекватной и неуверенной в себе, хотя никогда такой не была.

Он говорит, что должен следовать своей музе.

Иногда этой музой бываю я.

Иногда нет.

Мне просто не хватает его внимания. Его присутствия здесь и сейчас. Я скучаю по его смеху. Его нежности. Его обожанию. По всем его лучшим чертам, тем, что я любила самозабвенно, не задавая вопросов.

Я скучаю по нам.

Наполнив тарелки, несу обед на стол и сажусь возле него. Брант с явной неохотой закрывает ноутбук и убирает в сторону.

– Извини, Ник. – Его рука тянется к моей, наши глаза встречаются, и он произносит: – Выставка в «Беллхаусе» – одна из величайших удач, и она превратила меня в эгоистичного осла.

Он подносит мою руку к своим губам, и мы смотрим в глаза друг другу.

Я купаюсь в этом неожиданном признании, кутаю в него, как в теплое одеяло, свое израненное эго. Он понимает. Впервые за долгие годы он наконец понимает.

– Представить себе не могу, какой груз давит тебе на плечи, – отвечаю я, как всегда – сочувствующий партнер. – Просто скажи, чем я могу помочь, ладно?

Полагаю, за эти годы я вырастила собственного монстра, всегда готового поддержать и понять, не задавая лишних вопросов, но так вы и поступаете, когда любите кого-то, когда обещали посвятить ему всю свою жизнь, что бы ни

случилось.

Его счастье – мое, и наоборот.

Или, по крайней мере, так было – наоборот.

Брант выпускает мою ладонь и достает вилку из складок салфетки.

– Значит, про это дело с усыновлением...

У меня холодеет сердце. Брант никогда не относился к мужчинам, мечтающим о детях. С самого начала всякий раз, когда я заговаривала о них, он занимал позицию «хочешь – заводи, хочешь – нет», всегда оставляя решение за мной.

После моей операции мы рассматривали вопрос об усыновлении, но нам сказали, что может потребоваться до десяти лет на поиски здорового ребенка, поэтому мы воздержались, убедив себя, что нам достаточно друг друга, и оправдывая такую позицию всеми доступными способами.

– Возможно, это знак, – сказал как-то Брант. – Не всем суждено стать родителями.

Брант справлялся с нашим выбором, с головой уйдя в работу, соглашаясь на все новые международные проекты. Он использовал малейший шанс брать меня с собой в поездки. Возможность увидеть мир и забыться избавляла мой разум от физической пустоты, созданной нашим выбором. Но, как оказалось, лишь на время.

Пустота эта неизбежно возвращалась, десятикратно усиливаясь, и всегда казалась тем страшней, чем холоднее стояла погода. Возможно, ее провоцировали голые деревья вокруг нашего дома. В это время года они выглядят унылыми и неживыми, как мое опустошенное лоно.

Заставляю себя не думать о том, что к этому времени мы уже могли бы иметь ребенка, если бы не отказались от своего намерения и записались в очередь.

Вот что с вами делает страх. Он вынуждает усомниться в том, чего вы хотите, и в том, хотите ли вы этого.

– Ненавижу, когда не знаешь, чего ждать, утверждают нас или не утверждают и все такое, – говорю я, – но это вроде как будоражит, верно? Словно небольшое приключение.

– Ты все идеализируешь, – отвечает он, как уже отвечал десятки раз – мягко, но непреклонно. – Я просто беспокоюсь, что ты привяжешься и что-нибудь случится.

– А мне не дает покоя мысль, что где-то есть дитя, которое нуждается в нас, – говорю я. – Так что мое беспокойство перекрывает твое.

Я подмигиваю, чтобы спрятать свои переживания.

Брант улыбается; он жует, и губы его сомкнуты, но в уголках глаз собираются морщинки – он щурится, погружаясь в мысли. Проведя с этим мужчиной добрую часть своей взрослой жизни, я почти догадываюсь, о чем он думает.

Понравится ли тебе сидеть дома с ребенком, пока я путешествую?

Не станешь ли ты скучать о поездках по миру?

Ты в полной мере осознаешь, от чего отказываешься, идя на это?

Что, если мы не сможем сблизиться с ребенком?

И что делать, если у ребенка обнаружатся особенности, с которыми мы не сможем справиться?

Если он собирается спросить меня об этих вещах, как уже делал в прошлом, то я дам все тот же неизменный ответ: пусть оставит эти заботы мне.

Нет ни одного сценария, которого я мысленно не разбирала в те долгие часы, когда меня по ночам посещала бессонница. А в последнее время это случается слишком часто, поскольку Брант прячется в своей студии до самого рассвета,

заканчивая последний проект, выполненный для «Вэнити фейр».

Мой супруг сосредотачивается на еде, снова целиком втянувшись в свою интровертную раковину, а я думаю о том, о чем стараюсь не думать с тех пор, как нашла эту вещь в ящике с носками в комодке Бранта.

Нам нужно решение, нужно прямо сейчас, потому что я теряю мужа.

Глава 3

Рен

Я бы сделала что угодно, только бы научиться простодушию Сэйдж.

Живот урчит и урчит беспрестанно, голова раскалывается, а Сэйдж знай себе поет.

Я уже готова сорваться и накричать на единственного человека, кто еще как-то от меня зависит, но в последний момент делаю над собой усилие, отбрасываю эту мысль и направляюсь к оконцу на кухне. Смотрю поверх клетчатой занавески на лес, как делала уже много раз. Какая-то частичка меня надеется, что сейчас из воздуха соткнутся и, устало улыбаясь, поспешат к дому, радуясь, что вернулись наконец из опасного путешествия, Мама и Иви.

Каждую ночь, лежа в постели, вижу их обеих, входящих в хижину, и просыпаюсь на мокрых от слез подушках. Меня никогда не баловали, в отличие от Сэйдж, но в последнее время к исходу дня кончается всякое терпение.

Хотя терпение – не единственное, что истощается.

Еще надежда.

И мое тело.

Наши припасы.

Сама жизнь.

Все это просто... сходит на нет.

И очень скоро ничего не останется.

От мысли о медленном угасании, о смерти от холода и голода вместе с простодушной, ничего толком не понимающей младшей сестренкой кровь стынет в жилах, но и думать о том, чтобы оставить дом и выйти из леса, я не могу.

Нам не разрешается выходить за пределы леса, и даже если бы мы на это отважились, кто знает, куда идти. Скорее всего, нас сожрал бы какой-нибудь голодный койот.

Если мне суждено умереть, лучше умру здесь, возле закопченного очага, согревавшего нас и готовившего нам пищу, свидетеля сотен и сотен часов, проведенных за слушанием любимых маминых рассказов. Лучше я умру со своими потрепанными книжками, блокнотами для рисования и собранием кукол, сшитых мною за эти годы для младших сестер. Пусть я умру, завернувшись в одно из старых маминых платьев, вдыхая запах лавандового мыла, изготовленного из козьего молока, чем буду лежать на земле, заваленная ломаными ветками и пожухлыми листьями.

– Сэйдж, довольно. – Голос мой звучит резко, заставляя ее замолчать. Возможно, не надо было запрещать ей петь, так как пение дает сестре доступную здесь толику радости. Но уже ночь, и чем скорее мы отправимся спать, тем скорее отдохнем от этого бесконечного дня, перестанем ощущать голод, усталость и одиночество.

Подойдя к двери, я проверяю засов, задерживаю занавески на оконце, как мы делаем всегда после захода солнца.

«Плохие вещи случаются по ночам, – постоянно предупреждала Мама. – Люди осмеливаются на такие дела, на какие ни за что не решились бы при свете дня».

Она никогда не говорила, что это за дела. Мне не хотелось знать; я могла только воображать.

«Мир – злое место, мои дорогие, – приговаривала она, убирая волосы с наших лбов и целуя на ночь в пухлые, пахнущие мылом щеки. – Здесь вы в безопасности. Со мной. Я не допущу, чтобы с вами что-то случилось».

Потрескивает огонь; Сэйдж спокойно качается в кресле, крепко обняв куклу, и, наклонившись, в скудном свете очага рассматривает кусочек головоломки.

Я переодеваюсь за дверцей платяного шкафа в углу комнаты. Платье мое падает на пол, и я через голову натягиваю одну из маминых ночнушек, расправляю ее на костлявых бедрах, и кружевной подол щекочет ступни. Заведя ладони под густые волосы, я связываю их пониже затылка, прежде чем идти к раковине умываться.

Старая жестяная банка, полная зубных щеток, стоит рядом с запасом воды на день, и я беру свою – ярко-салатового цвета. Мне всегда казалось странным, что все окружающее – белое, кремовое, коричневое или серое – удивительно унылое, но эта щетка восхитительно яркая, как коробка восковых цветных карандашей, заказанных Мамой для Иви на ее пятый день рождения.

Их для нее привез мужчина – тот самый, с которым Мама каждые несколько месяцев встречается, чтобы пополнить наши запасы. Она говорила, что есть такие места – магазины, – где торгуют разными вещами, продают корма для наших кур и коз, а еще ткани и нитки, которые нам нужны, чтобы пошить одежду.

Я как-то спросила у Мамы, не сможет ли она взять меня с собой в магазин, чтобы выбрать платье нового фасона или какие-то ткани, расписанные не в этот мелкий цветочек. У нее увлажнились глаза, и вместо ответа она велела мне начистить картошки на ужин и принялась напевать себе под нос «Простые дары».

Маму я слишком любила, чтобы ее расстраивать, и слишком уважала, чтобы снова возвращаться к этой теме.

Подобрав подол ночнушки, я склоняюсь к теплему пламени очага, возле которого сидит сестра, и подбрасываю дров в угасающий огонь. Добавляю три полена – этого должно хватить на несколько часов, а потом шлепаю по деревянному полу к своей кровати в углу и натягиваю пару самых теплых шерстяных носков.

Мгновение спустя юркаю под любимое мамино лоскутное одеяло и говорю:

– Тебе надо умыться.

Зевая, Сэйдж тянет руку к следующей детали головоломки.

– Я не устала.

– Ну конечно, – говорю я и, закатив глаза, добавляю: – Прекрасно. Как хочешь.

Сэйдж вздыхает:

– Они не вернутся, да?

Сев в постели, я оборачиваю талию одеялами и раздумываю над ответом.

– Сколько времени уже прошло, Рен?

Неудивительно, что дни считаю только я. Сэйдж через раз не может сказать, какой сейчас месяц, да и зачем ей это? За календарем постоянно следила я. В ее обязанности всегда входило мытье тарелок и сбор яиц, а от всего остального она уклонялась с помощью невинной улыбки.

– Времени прошло... достаточно. – Я не говорю ей, что минуло уже семьдесят три дня.

– Мама уже прислала бы кого-то за нами, как ты думаешь? – Она поворачивается ко мне, прижимая к груди нелепую тряпичную куклу, словно лет ей вдвое меньше, чем на самом деле.

– Здесь никто никогда не бывал. Кого ей посылать?

Сэйдж едва не до ушей подтягивает худенькие плечи, и кончики прямых темных волос тонут во впадинках ключиц.

– Я не знаю. Того человека, который все привозит?

– Откуда ему знать, как нас найти? – За прошедшие несколько недель я много раз задавала себе тот же вопрос и приходила к одним и тем же выводам. Мама всегда заботилась о том, чтобы никто не узнал о нашем местонахождении. Всякий раз, встречаясь с ним, она уходила по крайней мере часов на восемь или больше, а назад все катила на двух отдельных красных тележках, и никогда не позволяла нам помочь. Сэйдж была недостаточно сильна, чтобы совершить путешествие, а меня Мама оставляла дома смотреть за Иви. Кроме того, после наступления темноты молодым девушкам находиться в лесу небезопасно.

Там всякое может случиться – люди с оружием, лютые звери... Мне так всегда казалось, хотя за неполных двадцать лет жизни на этой земле я никогда ничего этого не видела.

Сестра не отвечает, баюкает свою детскую куклу и смотрит на огонь, лижущий стенки очага.

Снова ложусь, подтягиваю одеяло к подбородку и перекатываюсь на бок. Отяжелевшие веки закрываются.

– Думаешь, с ними что-то случилось? – спрашивает Сэйдж, когда я уже наполовину погружаюсь в сон.

Хмурю брови, но глаз не открываю.

– Сэйдж, ложись. Пожалуйста. Утром поговорим.

В лачуге раздается скрип качнувшегося кресла, за ним следует мягкий удар – тряпичная кукла падает на пол.

– Мне нужно в отхожее место, – негромко объявляет Сэйдж, потому что знает: она затянула с этим делом.

Весь остаток сил уходит на то, чтобы перевернуться на спину, и, открыв глаза, я вижу возле кровати сестру, которая смотрит на меня, отчаянно морщась.

– Я уже заперла дверь на ночь. Ты не могла сходить раньше? – спрашиваю ее.

– Мне действительно нужно. – Она кусает нижнюю губу, пританцовывает на месте, ладонями прижимает платье к низу живота. – Я сейчас обмочусь.

Сбрасываю с ног одеяло и вылезаю из постели. Сколько себя помню, у Сэйдж всегда были проблемы с мочевым пузырем. В детстве она слишком долго не обращала внимания на позывы, а потом, обмочившись, всякий раз плакала, говорила, что жжет, и это заставляло ее терпеть еще дольше. После этого Мама стала заказывать антибиотики в таблетках.

В прошлом месяце они закончились.

Взяв ее под руку, хватаю с крючков у двери наши куртки, зажигаю керосиновую лампу, потом смотрю в окно и отпираю засов. Под покровом ночи, под безлунным небом мы мчимся по траве мимо загона для коз, между курятником и садовым сараем к покосившейся уборной на краю участка.

– Давай быстрее, – тороплю я, ловя дверцу, распахнутую сестрой. Обхватываю себя руками и стараюсь согреться – промозглый воздух проникает сквозь куртку и тонкую ткань ночной рубашки. Клацая зубами, спрашиваю, закончила ли она.

– Почти, – откликается Сэйдж.

Рассчитывая спрятаться от безжалостного северного ветра, шагаю к южной стенке уборной и смотрю в темнеющую массу Стиллуотерского леса, в сторону той самой полянки, на которой семьдесят три ночи назад пропали с глаз Мама и Иви.

Если бы я знала, что больше их не увижу, то могла бы напоследок сказать, как сильно их люблю. Могла бы поцеловать маленькие пухлые пальчики Иви, а Маму

обняла бы так сильно, что меня пришлось бы оттаскивать от нее, чтобы дать ей возможность вздохнуть.

Я бы поблагодарила Маму за все. За то, что берегла от зла, царящего в этом мире. За горячую пищу, теплую одежду, кров над головой, защищающий от холода. За веселые песни и ласковые колыбельные. За книги, питавшие разум, позволяющие мне бесконечными летними днями уноситься в другие миры. За рассказы о ее прекрасном детстве, когда мир был приятнее и добрее, за истории обо всех членах семьи, с которыми мы не успели встретиться до того, как в мире воцарились корысть и стужа.

Но прежде всего я поблагодарила бы Маму за ее безграничную любовь.

Дверь в уборную со скрипом открывается, ветер подхватывает ее и бьет о стенку ветхого сооружения.

– Рен! – зовет меня Сэйдж.

– Я здесь. – Выхожу из-за стенки, беру ее за руку, веду назад к дому, и теплые отсветы огня в оконцах озаряют нам путь. – Легче стало?

Она кивает.

– Теперь пойдешь в постель?

Сэйдж снова кивает.

– Обещаю, утром мы поговорим, – произношу я на полпути к двери в дом. Не знаю, что скажу ей, если сама пытаюсь – и не могу – успокоиться в последние недели, но изо всех сил постараюсь, чтобы в этих милых глазах цвета кофе не угасла последняя надежда.

В лачуге я вешаю на место куртки, а Сэйдж переодевается в ночную рубашку – длинную сорочку из белого хлопка с кружевной оторочкой, некогда принадлежавшую мне. Смотрю, как она натягивает еще одну пару серых шерстяных носков на уже надетые.

В последний раз запираю дверь на ночь, отгораживаясь от тишины, напоминающей о том, насколько мы одиноки в этом мире, на этом участке, который Мама всегда называла «уголком небес на земле» и «местом, где никто и никогда не причинит нам вреда».

Подобрав с пола куклу Сэйдж, я кладу ее на подушку сестры и обещаю себе, что завтра буду с ней добрей. Быть может, спою ей одну из любимых маминых песен и найду способ хотя бы ненадолго отвлечь ее от всего этого.

– Я не допущу, чтобы с нами что-то случилось, – говорю я сестре, укладываю ее в постель и целую в лоб, как всегда делала Мама. – Обещаю.

Вернувшись в свою кровать, с головой накрываюсь одеялом, с удовольствием ощущая, что постель еще хранит тепло моего тела.

Мы не умрем.

Не здесь.

И не так.

Мы не умрем от холода, одинокие и покинутые.

Мама не захотела бы такой смерти для своих дорогих.

Глава 4

Николетта

– Думал, этим вечером предстоит понервничать. – Одну руку Брант кладет мне на талию, а другой подает бокал шампанского.

Неуверенно улыбаясь, я собираюсь ответить, но его увлекают в сторону мужчина в костюме-тройке и женщина, с головы до пят увешанная бриллиантами и в

платье от Живанши.

Каждый на этом вечере покупатель, продавец или истинный ценитель художественной фотографии, но, похоже, по-настоящему здесь любит моего мужа только один человек, и это – я.

– Николетта? Бог мой, сколько лет. – Старая знакомая по «Беркшир гэллери» подходит ко мне, берет за руку и целует воздух возле моей левой щеки.

Не сразу вспоминаю ее имя, поскольку знала ее в прошлой жизни и очень недолго. Я едва начала там работать, когда на встречу к директору пришел красавчик-фотограф. А ушел он, унося номер моего сотового телефона и обещание встретиться за бокалом вина в ближайшую пятницу.

М... ее имя начинается на М.

Мэрайя... Мэри... Марин.

Точно.

– Марин, – восклицаю я, воспроизводя ту искусственную улыбку, которой пользуюсь весь вечер. – Как приятно тебя видеть. Рада, что смогла прийти.

Ее наманикюренная ладонь ложится на осыпанное веснушками декольте.

– Брант Гидеон в музее «Беллхаус»? Ты шутишь? Я бы не пропустила такое ни за что на свете. Это грандиозно. Помню его с тех пор, когда он начинал. Самый востребованный и голодный художник из тех, на кого я когда-либо положила глаз... а потом появляешься ты и просто крадешь его у меня.

Марин шлепает меня по руке.

– Ты же знаешь, я шучу, – говорит она, наклоня голову и переставая улыбаться. – Вы двое возмутительно подходите друг другу, и я донельзя счастлива за тебя. Кстати, слышала, вы уезжали из города. Где провели эти дни?

Отпиваю шампанского и позволяю пузырькам пощекотать мне горло, а потом отвечаю:

– На севере штата.

Она оценивающе смотрит на меня, щурится.

– Ага. Не ожидала.

Приподнимая бровь, интересуюсь:

– В самом деле?

Марин пожимает плечами:

– Просто я представляла себе место... несколько более экзотичное. Учитывая его профессию.

– Мы путешествуем, но ему нравится уединение, – поясняю я. – Когда он не снимает.

– А тебе?

Выдерживаю паузу. С учетом того, что с двадцати двух лет я с ней не виделась, ее вопрос отдает вторжением в личную жизнь.

– Прости, – говорит она, махнув рукой. – Я просто... Мне вспомнилось, как ты всегда говорила, когда мы работали вместе, что хотела бы жить в апартаментах с видом на Центральный парк. По-моему, ты твердила, что родилась и выросла в этом городе и намерена здесь умереть.

Да. Я так говорила. Совсем забыла.

Усмехнувшись, поднимаю бокал.

– Говорят, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах, верно?

Марин хихикает, хотя мне высказывание не кажется смешным. Потом я замечаю, что она бросает взгляд в сторону моего мужа.

– Как бы там ни было, но мне нужно сделать обход, – говорит она, шлепая меня по запястью. – Я здесь только ради общения. И чтобы строить глазки твоему мужу.

Подмигнув, Марин удаляется, а мне вспоминается ее странное чувство юмора – никогда не могла определить, серьезно она говорит или шутит.

Стараюсь выбросить ее из головы. Вряд ли Марин представляет угрозу. В конце концов, она – не его тип.

Марин всегда вела себя шумно. И в любом разговоре сыпала именами. Брант же никогда не заботился о статусе, не карабкался по социальной лестнице. Когда мы только познакомились, именно это мне в нем и понравилось. Ему на самом деле было плевать, кто мои родители, и это ставило его на ступень выше всех мужчин, с которыми я встречалась.

Стоя в зале, полном чужих, но известных людей, представляющих собою сливки артистического общества Манхэттена, обращаю внимание, что все взгляды направлены на моего мужа, покинувшего свою раковину интроверта. Он облачен харизмой провидца – художника, раздвигающего границы обыденной жизни. Люди собираются вокруг него, ловят каждое слово, словно он делится с ними завораживающими тайнами, о которых они и не слыхали.

Он дарит им теплые улыбки, то и дело пожимает руки и ведет группу слушателей по кругу, рассуждая о приступе вдохновения, посетившего его во время работы над серией «Затерянные в природе» – этот проект стал страстью мужа, и он корпел над ним с момента нашего отъезда из города.

Это работа всей его жизни, и от ее новаторства захватывает дух.

Даже не думала, что процесс растянется на десять лет.

Обводя взглядом зал, замечаю свой фотопортрет. Босоногая, я стою в ручье, поднимающееся солнце целует меня в макушку, а я собираю рукой свое

прозрачное платье. Женщина в облегающем черном костюме неспешно подходит к портрету – одна, с бокалом красного вина в руке; с левого запястья свисает бриллиантовый браслет.

Она изучает мою фотографию.

Я изучаю ее.

Еще ненадолго задержавшись перед портретом, женщина перемещается к следующей работе – жутковатому снимку предрассветной поляны в лесу. Постояв возле него, шагает дальше, к другим снимкам. Но через несколько минут возвращается к моему фото.

Я замираю. Не смогу оторвать от нее взгляд, даже если попробую.

Это та самая?

С этой женщиной встречался мой муж? Это она родила от него ребенка?

И она разглядывает меня как любовница, сравнивающая себя с женой любовника?

Ее волосы цвета оникса образуют блестящий занавес, частично скрывая лицо; их кончики ровно подрезаны. Выглядит она потрясающе – серьезная, интеллигентная представительница высшего класса Нью-Йорка, в каждом движении сквозит изящество и грация.

Не знаю, сколько времени уже наблюдаю за ней, рассматривающей мой фотопортрет. И тут сердце мое бухает о пол, и в жилах леденеет кровь – к ней направляется мой муж.

Встретившись с ним взглядом, женщина улыбается; Брант наклоняется, целует ее между ртом и щекой, а не в воздух мимо щеки. Начиная разговор, касается ее обнаженной руки, и с каждым словом глаза его смотрят все шире и выразительней. Словно кроме нее никого больше не существует.

Он увлечен и ослеплен.

И я узнаю взгляд, каким она смотрит на него. Точно так же смотрела я, когда была юной бабочкой и трепетала, понимая, что сейчас угожу в его сеть.

Мимо них протискивается пара гостей, вынуждая Бранта шагнуть ближе к собеседнице, чтобы дать пройти.

Однако на место он не возвращается.

Брант просто стоит и чувствует себя в ее личном пространстве так комфортно, словно очень хорошо ее знает. Словно он там свой.

Пузырькам шампанского в моем желудке становится неуютно, и я оглядываюсь в поисках дамской комнаты на случай, если стошнит.

Брант очарователен, в этом ему не откажешь. Он сердечен и привлекателен. Ни на одной выставке, открытии галереи или автограф-сессии из тех, что мы посещали, он не вел себя так, как с этой женщиной.

Наблюдаю и замечаю, что с каждой секундой ямочки на его щеках становятся все глубже, а в его глазах цвета морской волны искорки вспыхивают так ярко, что я вижу их даже отсюда.

– Ты в порядке? – Мне на плечо ложится теплая ладонь. Оглядываюсь – это Марин. – Выглядишь так, будто тебя сейчас стошнит.

Заставляю себя улыбнуться и качаю головой.

– Это шампанское. Кажется, оно мне не пошло.

Брови ее ползут вверх, она хмыкает в нос.

– Милая, это «Кристалл». «Кристалл» пойдет кому угодно. Ты точно в порядке?

Брант с женщиной все еще погружены в свой маленький разговор, хотя с таким же успехом они могут сейчас блуждать и в своем собственном маленьком мирке.

Моя кровь, еще несколько секунд назад ледяная, теперь вскипает и бурлит под покровом кожи. Не будь я настоящая леди, у меня хватило бы ума привлечь его внимание и спросить, какого черта происходит.

Но здесь я этого не сделаю. Не стану на глазах у людей, которые способны обеспечить карьеру моего мужа или разрушить будущее, ради которого он работал всю свою жизнь, устраивать сцену.

Марин отслеживает мой взгляд и быстро формулирует проблему, которую я отказываюсь озвучить.

– Та женщина с темными волосами? – Марин кивает в их направлении. – Она фотограф. Ее стиль очень похож на стиль Бранта. Думаю, она всего лишь его большая поклонница. Постоянно ходит в «Беркшир», пытается уговорить нас стать ее посредниками.

– Как ее зовут? – Возможно, это мой единственный шанс узнать ее имя.

– Клара Бриз, – говорит Марин.

Выжигаю это имя у себя в мозгу и повторяю про себя снова и снова – на случай, если оно понадобится в будущем.

– Она только что глазела на мой портрет, – говорю я, сама не понимая, зачем признаюсь в этом Марин и значит ли это хоть что-нибудь. Высказанная вслух, проблема похожа на глупость, из-за которой не стоит заводитьсь.

Марин усмехается.

– Возможно, думает, что ты красивая.

В глубине души отмечаю ее объяснение как слишком простое и оптимистичное, чтобы унять мое беспокойство.

– Она встречается с женщинами, – добавляет Марин. – И только с женщинами. В любом случае, это беда. – Она снова сливается с толпой.

Смотрю ей вслед и вижу, что ко мне пробирается муж.

– Ты как, в порядке? – спрашивает он, оказываясь рядом. Я задыхаюсь от знакомого запаха, врывающегося в легкие, того самого чувственного, с ароматом дерева, одеколону, что доставлял мне удовольствие, потому что напоминал о доме.

Улыбаясь, я быстро киваю, потому что теперь мне гораздо лучше, чем пять минут назад.

– Само собой. А ты?

– Конечно.

Муж внимательно меня изучает.

– Если чувствуешь себя неважно, только скажи, – говорит он. – Мы сразу уедем.

– Не говори ерунды. Это твой вечер. И я в полном порядке, – не вполне искренне уверяю я.

Лицо у Бранта сияет, хотя лишь только в половину той мощности, что он включал для Клары. По крайней мере, теперь я знаю, что он – не ее тип.

– Согласен, вечер прекрасный, и мы ждали его очень долго, – говорит он, – но я не перестаю удивляться тому, что самый изысканный объект стоит прямо передо мной.

Он наклоняется, и его губы касаются моих, а пальцы легко скользят по щеке.

– Ты не просто моя муза, – добавляет он. – Ты мое все. Без тебя ничего этого не было бы.

Год назад я бы поверила ему, как верила всегда.

Не знаю, смогу ли верить ему снова после того, как нашла в прошлом месяце в его комоде фотографию маленькой светловолосой девочки с глазами Бранта – цвета морской волны. Снимок был спрятан в кожаной обложке органайзера.

Брант снова целует меня, кончиками пальцев проводит по моей руке и пожимает ладонь.

– Только что прибыл Моффатт, и его карманы выглядят тяжеловато. Наверное, стоит поздороваться...

Он улыбается мне, ожидая понимающей усмешки. Принужденно улыбаюсь, и сердце мое сжимается.

Кивая, он предлагает мне согнутую в локте руку.

– Идем со мной. Я вас познакомлю.

Большую часть взрослой жизни я провела, следуя за этим мужчиной по базарам Марокко, скалам Греции, древним руинам майя и райским уголкам Амазонки. Я покидала Манхэттен – единственный дом, который знала, – потому что он просил. А потом в его родной дыре, в глуши Стиллаутер-Хиллз в штате Нью-Йорк, создала наш собственный островок семейного уюта. Я не обращала внимания на грызущую тоску по дому, никогда не оставлявшую меня. Каждый вечер готовила его любимые блюда и научилась разделять его предпочтения в джазе. Когда я чувствовала, что ему требуется разрядка, то занималась с ним любовью, даже если была не в настроении. Когда засиживался по ночам, носила ему кофе, а если слишком долго горбился за компьютером, с головой уйдя в редактирование, разминала плечи.

Чего я так и не сумела ему дать, так это полноценной семьи.

Меня убивает мысль, что это могла сделать другая женщина.

Держа его под руку и скрывая собственные тревоги, чувствую себя мошенницей, а он представляет меня магнату по торговле недвижимостью Роберту Моффатту и его потрясающе красивой молодой супруге, светской львице Темплъ Ротшильд-Моффатт. Третий триместр беременности нисколько не мешает ей

демонстрировать платье от Версаче и туфельки на шпильках высотой в шесть дюймов.

Брант с Робертом негромко беседуют; Темплъ извиняется передо мной и отходит, и я снова осматриваю зал, останавливая взгляд на каждом смазливом личике.

Тонкая, как сигарета, блондинка в накидке из искусственного меха.

Педантичная брюнетка с ярко-красными губами и в очках с прозрачной оправой.

Светская львица с сиреневыми волосами, украдкой бросающая взоры на моего супруга.

Любая из них может оказаться ею.

А может, и нет.

Наверняка мне известно только одно: все мои мысли направлены на поиски ответа, кто же она.

Ладонь Бранта соскальзывает на мою талию. Он привлекает меня к себе. Зал кружится, дыхание становится прерывистым, лоб пощипывает от пота.

– Извините, – говорю я, вмешиваясь в их разговор и показывая, что мне нужно выйти. Раньше у меня не случалось истерик, но сейчас я уверена, что вплотную приблизилась к первой.

Середина декабря, и тротуары припорошены мелкой снежной крупой. Немногочисленные местные магазины по вечерам закрываются, но в их окнах горят предпраздничные огни, а на стеклянных дверях висят венки из падуба. Раньше эти вещи согревали мне душу, стоило их только увидеть.

Теперь я ничего не чувствую.

Хватая ртом воздух, закрываю глаза и стараюсь сосредоточиться на ощущении проникающей в легкие прохладной свежести, а потом начинаю обратный отсчет

от десяти и говорю себе, что когда дойду до одного, то буду в полном порядке... по крайней мере, хоть ненадолго.

Десять...

Девять...

Восемь...

Семь...

– Николетта.

Открыв глаза, вижу мужа, стоящего у двери в музей. Руки в карманах дорогого костюма. И оскорбительно небрежная поза.

– Поговори со мной, – произносит он, потом двигается ко мне, слегка склонив голову. Он смотрит на меня, как на непостижимую тайну, с которой никак не может разобраться. – Ты весь вечер сама не своя.

Открываю рот, чтобы ответить, и не знаю, что сказать.

Я все пытаюсь определиться, куда мне отсюда направиться, когда и как вызвать его на разговор, и в чувствах полная сумятица оттого, что я вообразила худший из сценариев из-за одной-единственной фотографии.

Обеими руками он обнимает меня, и от тепла его тела и крепкого объятия мне равно и тепло, и душно.

– Если не возражаешь, – говорю я глухо, уткнувшись в жилетку его безупречного костюма, – я поймаю такси и вернусь в отель. Кажется, я заболела.

Отстранившись, Брант смотрит мне в глаза. Он снова не верит, но мне сейчас все равно. Мечтаю лишь о том, чтобы сбросить это платье, выдернуть заколки из волос и смыть макияж, пока он не поплыл от слез.

Со всем остальным я разберусь потом, а не сейчас, после трех бокалов шампанского, когда в голове путаница. И все из-за того, что какая-то красивая женщина слишком долго смотрела на мой фотопортрет, а потом мой муж очаровывал ее своей фирменной улыбкой с ямочками на щеках и искрящимися глазами.

Через мое плечо Брант смотрит на приближающиеся автомобильные огни и, подняв руку, останавливает такси.

– Отдохни, – говорит он, подбирая шлейф платья и помогая мне сесть в машину. Захлопнув дверь, он знаком просит опустить стекло. – Если что-то понадобится, я на телефоне.

Ценю его заботу, но не могу заглушить тихий голос где-то на задворках сознания, который твердит, что это странно с его стороны – отослать меня прочь, даже не задумавшись.

Я вынимаю ладонь из его руки, машу на прощание и замечаю, как блестят его глаза, отражая свет полной луны. Когда-то, заглядывая в них, я чувствовала себя как дома.

А теперь вижу только эту маленькую девочку.

Глава 5

Рен

– Рен, выпал снег. – Сэйдж будит меня, чуть не визжа от восторга, и я снова закутываюсь с головой. – Мы будем делать леденцы?

Мне не хватает сил ответить, что для леденцов нужна черная патока, а у нас ее нет.

И сахара нет.

У нас нет ничего, кроме яиц и козьего молока. Остался последний пакет муки, немного консервированной фасоли, в погребе несколько картофелин, луковиц и чуть-чуть чеснока.

Вчера я проверила запасы, хотя боялась этого несколько недель. Однако пришлось произвести инвентаризацию.

Выбравшись из постели и сунув ноги в ботинки, завязываю шнурки, потом снимаю с двери зимнюю куртку, беру корзинку для яиц. Нужно проверить кур и убедиться, что они пережили похолодание минувшей ночи.

– Скоро вернусь, – говорю я Сэйдж.

Бреду по снегу, в котором почти целиком скрываются ботинки, и на полпути к курятнику мой усталый взгляд натывается на цепочку следов, проложенных через передний двор и уходящих за дом.

Остановившись, опускаюсь на корточки и рассматриваю их вблизи.

Ботинки.

Это отпечатки обуви. И они огромные.

Уронив корзинку, бросаюсь назад к хижине, то и дело поскальзываясь в слякоти, и, ворвавшись внутрь, захлопываю дверь. Быстро закрыть засов у меня не получается.

– Рен? Что случилось? – подскакивает ко мне Сэйдж, но я уже спешу через комнату, хватаю стул и несу обратно к двери.

Встав на сиденье, тянусь за дробовиком, висящим над дверью.

– Рен... – На этот раз Сэйдж с трудом выговаривает мое имя, и дыхание у нее учащается. – Что ты делаешь? Ты меня пугаешь.

– Следы, – отвечаю я, задыхаясь. Голова идет кругом, и комната вертится вокруг меня. – На дворе следы.

– Койот? Медведь? Кто? – спрашивает она.

– Ботинки. Большие ботинки.

Сэйдж идет к оконцу у двери, приоткрывает занавеску и смотрит во двор, но я оттаскиваю ее.

Мама говорила, что снаружи каждый сам за себя, и нам всем придется сделать все возможное, чтобы выжить. Она уверяла, что здесь мы в безопасности, называла наш дом крепостью, и я всегда думала, что это глупость, потому что ни от хорошего ливня, ни от сильного ветра домик защитить не мог.

Если в дом проникают стихии, то может проникнуть кто угодно.

Снимаю ружье, кладу на плечо и тянусь к ручке двери.

– Что ты делаешь? – спрашивает Сэйдж. Ее остекленевшие глаза напоминают кусочки отполированного мрамора.

– Собираюсь пройти по следу. – Не обращаю внимания на ком в горле, мешающий глотать, и на дрожь в пальцах, сжимающих дробовик. – Хочу осмотреть границы участка, но подозреваю, что человек уже ушел, и, по моим расчетам, следы приведут в лес, где мне придется остановиться.

Но если он затаился снаружи, то, возможно, увидев меня с ружьем, уйдет и не вернется.

Стиснув зубы, чтобы унять сердце, выхожу во двор, крепко зажав приклад дробовика под мышкой, и иду по отпечаткам ботинок в снегу. Слух наполняется скрипом снега под ногами и блеянием коз.

Не знаю, кто он и чего хочет, но я не буду прятаться, как трусиха.

Я не стану легкой добычей.

Глава 6

Николетта

Впереди меня ребенок в магазинной тележке болтает ногами и пинает мать. Наблюдаю, как она хватается за них и опускает вниз. Малыш извивается. Мама шепчет что-то ему на ухо. Ребенок дуется. Она идет дальше, толкая тележку в конец прохода.

Уверена, что сцена повторяется в продуктовых магазинах по всей Америке, но я увлечена моментом, наблюдаю за ними в режиме реального времени и представляю себя на месте матери.

На ее спортивных брюках тут и там висят клочья золотистой собачьей шерсти, футболка мятая, но темные волосы собраны на макушке в блестящий пучок, как у балерины, и когда она поворачивается, я вижу ее профиль.

Хорошенькая даже с темными кругами под глазами, она так молода, что лицо кажется почти детским. На безымянном пальце левой руки тонкое золотое кольцо, украшенное крошечным бриллиантом.

Сжимаю ручку тележки и, оторвав от них взгляд, стараюсь припомнить, что мне нужно в этом отделе. Миндальная мука? Ксилитол? Темный шоколад без сахара для выпечки? Для меня это не главные продукты, но Брант сидит на какой-то свободной от сахара и клейковины мудреной палеодиете, которая, как он уверен, обостряет его творческие способности.

Ломаю голову, припоминая, что надо взять.

Нехватка сна в последнее время сказывается на моей кратковременной памяти. Несколько недель пробовала пить мелатонин в таблетках, но это кончилось кошмарами – очень специфическими ночными снами, в которых присутствуют мой муж, светловолосый ребенок и безликая женщина.

Стоя посреди продуктового магазина в маленьком городке, тешу себя надеждой, что я, быть может, выдумываю все это, и молю Бога, чтобы так и было.

Грезы о моей воображаемой семье посещают меня долгие годы. Воображаю, как муж фотографирует нашего ребенка и как я сама любовно размещаю снимки в альбомах. Мечтаю о поездках в родительский дом в Нантакете, где нашего маленького встречают с распростертыми объятиями, кружат и тормозят. Мама учит его готовить наше знаменитое овсяное печенье с малиной, а папа на своем «Парсивале III» – управлять парусами. Вижу лыжные прогулки в Вермонте и летние каникулы в Европе, тоскую по поздним завтракам с оладьями и беготне по магазинам перед началом нового учебного года в школах.

Если повезет, еще не все потеряно.

А если нет, то я потратила годы на пустые мечты и гадание на ромашке.

За последний год Брант отдалился, и все это время я думала, что виной тому усталость и застой в наших отношениях. Мне казалось, что нам нужно начать с чистого листа, и я была уверена, что мы к этому готовы.

Поэтому я начала подталкивать его к мысли о приемном ребенке.

Я называла это детскими шагами. Я давила и давила, изо всех сил, так, как давит отчаявшаяся женщина – хлопая ресницами и сыпая шутками, которые шутками отнюдь не являлись.

Бранту потребовалось время, чтобы созреть для этой идеи. В его нежелании я винила расписание предстоящих рабочих поездок мужа. Когда же он наконец согласился, я объяснила это его чувством вины за то, что непропорционально много времени он уделяет работе и мало – мне, а также тем фактом, что я никогда ни о чем его не просила.

Теперь я боюсь, что он просто тянет время, ждет подходящего случая разбить мне сердце и спалить нашу совместную жизнь дотла. Только не уверена, какой у него план... потому что у него есть слава, а у меня – деньги.

Дом. Автомобиль. Все это я купила на семейные деньги из моего трастового фонда. Не спорю, Брант сам прилично зарабатывает, но без меня его уровень жизни упал бы заметно. Не говоря уже о том, что возможность жить, совершенно не беспокоясь о деньгах, вообще неоценима.

Насколько мне известно, из своих заработков Брант не сберег ни пенни. В основном потому, что в этом не было необходимости. Наше будущее обеспечено, по крайней мере финансово. Мы всегда относились к его доходам как к деньгам на развлечения. Брант мог потратить их на что хотел, потому что он их заработал, и на самом деле мы в них не нуждались.

Если это действительно его ребенок, то, полагаю, большая часть его заработков поступает сейчас матери девочки.

Должно быть, усталая мама с утомленным малышом, идущая впереди, почувствовала мой взгляд, потому что резко разворачивается в мою сторону и сурово смотрит в глаза.

Для меня это обычная вещь.

Я «чужая» с тех пор, как мы сюда приехали. И не имеет значения, что живу здесь больше десяти лет. Я до сих пор «та богатая сучка, что живет за городом». Люди видят мои аккуратные, без единой морщинки наряды, французские дизайнерские сумочки. Видят отсутствие озабоченных складок на лбу, мешков под глазами и считают, что они должны быть.

Когда-то, совсем недавно... были.

Я улыбаюсь, и выражение ее лица смягчается. Она понимает, что я ее не сужу, что я не такая уж неприступная, какой кажусь. И если бы я не боялась сойти за совсем уж невозможную чудачку, я сказала бы, как ей повезло ежедневно ходить в магазин в легинсах и с пучком на голове, пылесосить минивэн от раздавленных крекеров и составлять легкие, не противопоказанные малышам меню.

Чего бы я только ни отдала, чтобы ощутить столь полноценную усталость.

Отвернувшись, она меняет положение тела так, чтобы лишить меня возможности видеть ребенка. Словно не желает, чтобы я на него смотрела. И тут до меня доходит. Она решила, что я глазею на ее малыша.

Много лет назад – задолго до того, как мы сюда переехали, – в городе случилась пара похищений детей. В обоих случаях украли младенцев, и обоих – среди бела дня. Местные так и не оправились от страха. Сознание того, что в их бесценном Стиллуотер-Хиллз затаилось зло, нанесло жителям городка незаживающую рану. Множество семей даже уехало отсюда, гонимые страхом, что их ребенок станет следующим.

Я не виню мать, старающуюся уберечь свое дитя.

Это ее право, ее долг.

– Он очаровашка, – говорю я, толкая тележку мимо мамы и ее синеглазого малыша. Надеюсь легко намекнуть, что я не представляю ни малейшей опасности.

– Спасибо, – хрипло отвечает она, убирая тележку с дороги.

Кокосовая мука.

Вот что мне нужно.

Беру с полки фунтовый пакет и направляюсь к мясному прилавку, чтобы вычеркнуть из своего списка еще несколько наименований, а уж потом ехать домой, готовить ужин, изо всех сил изображать, что я в порядке, а не слетаю медленно с катушек.

Только потяни за ниточку, и я сорвусь.

Не знаю точно, как это будет, но добра не принесет ни мне, ни ему.

Глава 7

Рен

Снег шел двадцать четыре часа, а потом растаял, словно его и не было. Думаю, земля еще не остыла, чтобы он остался лежать. Обычно я о нем не жалею, но в данном случае мы лишились единственной возможности определить, возвращался ли тот человек.

Закутавшись в куртку и завязав шнурки, беру дробовик под мышку и иду к курятнику. Насколько могу судить, новых следов нет, все в порядке и на своих местах.

Однако унять бьющееся сердце и выровнять дыхание не получается.

В курятнике, прислонив ружье к стене, замечаю последнюю из наших красных род-айлендов, неподвижно лежащую на земле. Опустившись на колени, трогаю ее за крыло.

Она еще теплая.

Пробую пошевелить птицу, осторожно двигая из стороны в сторону, но она не открывает глаза. Две оставшиеся птицы, белые леггорны, которые у нас дольше всех, кудахчут возле меня, хлопают крыльями, будто понимают – что-то случилось.

Еще раз тронув умирающую, определяю, что птица не дышит.

У меня начинает дрожать губа, я прикусываю ее до крови, чтобы не расплакаться. Мама всегда предупреждала, что нельзя привязываться к животным, но я любила эту глупую курочку. Из всей птицы она была самой ручной, и когда мы выпускали кур погулять, тенью ходила за мной. Даже клевала с ладони, если я ей предлагала.

Я никому не говорила, что звала ее Руби.

Это был наш маленький секрет.

Взяв ее на руки, выношу во двор и кладу тельце под раскидистым деревом, с которого облетела листва. Иду в сарай за лопатой. Земля твердая, холодная, но нужно похоронить Руби, чтобы не привлекать хищников.

Не сдохни курица от неизвестной болезни, мы бы ее съели, и тогда смерть птицы была бы не напрасной. Но теперь это опасно.

Полчаса спустя водружаю последнюю лопату грязи на могилу Руби. Под одеждой по телу стекает пот. Кончики пальцев заледенели, а тело горит, и хотя я поднялась всего час назад, все бы отдала, чтобы вернуться в постель.

Трясущимися руками прислоняю лопату к дереву и бреду к дому. Закрыв дверь, отдыхаю, привалившись к ней спиной – восстанавливаю дыхание и грею кончик носа, холодный, как лед.

– Что случилось? – спрашивает Сэйдж. – И где яйца?

Стащив куртку, вешаю ее на крючок; склонившись, развязываю шнурок на левом ботинке.

– Еще одна подохла.

Сэйдж ничего не говорит. Она понимает: мы бессильны остановить падёж, если причина неизвестна. Мне даже думать не хочется, что будет, если умрет еще одна курица. Наши куры несут по яйцу в день, и эти яйца нам необходимы.

– Рен... – произносит Сэйдж, глядя на меня своими большими глазами.

– Да?

– Ты поиграешь со мной в шашки?

Собираюсь возразить, но останавливаюсь. Раньше мы все время играли в шашки, а теперь я припомнить не могу, когда мы в последний раз во что-то играли. Кроме того, мне думается, что Сэйдж хочется не в шашки сыграть, а хоть ненадолго вернуться к нормальной жизни.

С полки в углу беру коробку, изображая улыбку, несу к кухонному столу. Сестра спрыгивает с кресла, встречает меня у стола, с довольной улыбкой на лице садится.

– Мои красные, – говорит она, помогая расставить шашки на доске. – Так что ходи первая.

Передвигая черную шашку на клетку, выпрямляю спину и смотрю, как сестра обдумывает свой ход. И только когда наступает моя очередь, замечаю, что начисто изгрызла ногти – сама не помню как.

– Твой ход, – говорю я, пряча изуродованные пальцы.

Сэйдж уставилась в оконце возле нас. Она замерла, как те греческие статуи, что я видела в маминых книгах по искусству Греции и археологии.

– Ты слышала, Рен? – произносит она тихим шепотом.

Волосы у меня на затылке встают дыбом, хотя я не уловила ничего, кроме завывания ветра и негромкого блеяния козы.

– На что похож этот зв...

– Шш! – Сэйдж поднимает палец, ее взгляд перемещается, прочесывая видимый из окна участок двора.

Треск веток и звук шаркающих по мокрой палой листве шагов за стенками хижины заставляет нас уставиться друг на друга, затаив дыхание.

– Рен... Ружье... – Сэйдж показывает на пустую полку над дверью, и сердце мое падает.

– Оставила в курятнике, – шепчу я.

Три быстрых стука в дверь эхом отдаются в нашей лачуге. Сэйдж ладонями зажимает и рот, и нос; я не двигаюсь. Из оружия мы располагаем только кухонными принадлежностями, но когда я в последний раз проверяла разделочные ножи, они крайне нуждались в заточке.

Человек с той стороны двери снова стучит.

И снова трижды.

Сэйдж начинает подниматься, словно лишилась рассудка и хочет открыть дверь, но я перегибаюсь через стол и хватаю ее за руки. Она хмурит брови и вырывается из моего слабого захвата.

– Рен! – едва слышно протестует она.

– Успокойся, – беззвучно кричу я, поднимая ладонь.

– Что, если это Мама? – не унимается Сэйдж.

Проглатываю ком, вставший в горле.

– Мама не стала бы стучать.

Глава 8

Николетта

– Как обидно, что Брант не смог присоединиться к нам сегодня. – Мама погружает вилку в ломоть своего именинного торта и, подставив снизу ладонь, подносит ко рту.

– Он передает поздравления, – говорю я. – И утром вы первым делом увидите его.

– Торт испортится. Он действительно много потеряет. – Мама указывает вилкой на покрытое сахарной глазурью праздничное блюдо.

Машу рукой на ее замечание.

– Как раз сейчас он на своей диете без сахара и глютена. Это стало бы для него пыткой.

Каждый год на последние выходные перед Рождеством мои родители приезжают к нам в Стиллуотер-Хиллз из своего второго дома в Нантакете. Пару дней мы проводим вместе, отмечая и день рождения мамы, и праздник. Потом я уезжаю и провожу остаток зимы у своей лучшей подруги во Флориде. Так было на протяжении всей нашей совместной с Брантом жизни, поэтому я нахожу странным, что именно на этот вечер у него нашлись дела по работе.

А они с моим отцом практически лучшие друзья, и папа хвастается перед приятелями по яхт-клубу и всеми, кому не лень слушать, что Брант такой зять, какого ему всегда хотелось.

Брант так открыто своим тестем не хвалится, хотя мне известно, что их чувства взаимны. Его отец бросил семью, когда Брант и его младший брат Дэвис едва вышли из пеленок. Мать его провела большую часть их с братом детства в стельку пьяной или обкуренной. Иногда пьяной и обкуренной.

Мои родители стали единственной семьей, подарившей ему любовь и заботу, о которых он всегда мечтал. Они – единственная настоящая семья, которая у него есть. Его мать умерла от цирроза печени вскоре после нашей свадьбы, а брат живет в ветхом трейлере на дальней стороне Стиллуотер-Хиллз, ночами работает на шинном заводе, а большую часть свободного времени проводит в стриптиз-клубе соседнего городка.

– Где, ты сказала, сегодня Брант? – спрашивает отец.

– На выступлении, – отвечаю я.

– Каком выступлении? – уточняет он. Обычно папа не интересуется деталями и своим вопросом застает меня врасплох.

Дело в том, что я... не знаю. У меня нет ответа.

Брант заявил, что сегодня он выступает в Олбани в каком-то закрытом загородном клубе, занимающемся благотворительностью, и когда я спросила, не хочет ли он взять меня – для моральной поддержки, как обычно, – он настоял, чтобы я осталась и ждала приезда родителей.

Я даже не могу им рассказать, с какой речью он выступит. Ни разу не видела, как он это делает.

– Тебе нужно будет расспросить его завтра, когда увидите. – Несмотря на сильную тяжесть в желудке, я наполняю вином свой бокал.

– Как идет выкуп отелей «Карлтон»? – спрашиваю я.

– Лучше и быть не может, – отвечает отец, гордо выпячивая грудь. – К концу года мы все окончательно оформим.

Мама кладет ладонь на грудь и наклоняется вперед, делая большие глаза.

– Дождаться не могу. Шесть месяцев переговоров – это слишком.

Папа смеется над тем, как мама все драматизирует.

– Господи, Хелен, все было не так уж плохо.

Повернувшись к отцу, мать дразнит его насмешливой улыбкой.

– На протяжении ста восьмидесяти ужинов ты твердил только об этой сделке.

– Что ж, можешь быть уверена, что больше я не буду обременять тебя этими разговорами. – Отец усмехается. – И не забывай, в следующем месяце за все неприятности я везу тебя в Аспен.

– Принято к сведению. – Мама подмигивает отцу, ставит на кофейный столик свою тарелку, а папа берет чашку капучино и передает ей.

Почти сорок лет вместе, а в глазах огонек, свой безмолвный язык, узы, которые никто и никогда так и не смог разрушить.

Понимают ли они, как им повезло сохранить такие близкие, что редкость по нашим временам, отношения? Не отваживаюсь спросить. Они сразу все поймут, а мне не хочется оказаться под их сочувствующими взглядами и отвечать на

дотошные вопросы.

У моих родителей сеть шикарных отелей, и им есть о чем беспокоиться, кроме проблем единственной дочери.

– Ох, Ник. Я хотел показать тебе, какие там произошли изменения. – Папа вынимает из кармана телефон. – Хелен, я оставил очки в гостевой комнате на тумбочке. Будь так добра...

Улыбнувшись, мама безропотно покидает нас, а папа, наклонившись, кладет телефон на кофейный столик экраном вниз.

Думаю, что это уловка.

– Ты в порядке, Ник? – тихо спрашивает он и хмурит лоб.

Я удивленно откидываюсь назад.

– Что? Да. Почему ты спрашиваешь?

Плотно сжав губы, он выпускает воздух через раздутые ноздри.

– На днях мне позвонил наш бухгалтер. Сказал, что за последние пару месяцев с твоего счета несколько раз переводились... значительные суммы.

Для меня это новость.

Хочу спросить, насколько крупными были переводы, но опасаясь даже намекнуть, что у нас не все в порядке.

Внезапно ощущаю, что сочетание вина с тортом оказалось неудачным. Трастовый счет открыт на мое имя, но Брант знает все пароли, имеет доступ к моему онлайн-счету. Он мог перевести кучу денег бог знает куда без моего ведома, потому что мне и в голову не придет, что муж на такое способен. Не в этой жизни. Даже за миллион лет.

Знаю, что на его долю выпало не лучшее детство, но это не помешало Бранту вырасти добрым и великодушным, честным и открытым.

Он никогда не трогал моих денег. Или я так думала.

Говорят, яблоко от яблони недалеко падает. Отвратительное, избитое клише, но я не могу удержаться от мысли, что в данном случае оно окажется справедливым.

Может, он и Брант Гидеон, но он все-таки Гидеон.

Возвращается мама с папиными очками в руках. Отец берет телефон с кофейного столика, находит нужную страницу, и я понимаю, что мама ничего не знает, а отец просто щадит мою гордость, потому что считает, будто что-то в моем замужестве не так.

Если бы он только знал...

Собрав пустые тарелки и столовое серебро, молча несу их на кухню и благодарю Бога, что вернулась мама и не нужно заканчивать этот разговор с отцом.

Трясущимися руками мою посуду, глаза затуманиваются горячими слезами. Как только родители отправятся спать, войду на свой аккаунт и посмотрю эти переводы. Насколько мне известно, Брант никаких больших покупок не делал. По нашей дорожке на роскошной новой машине к дому не подъезжал, бриллиантов мне не дарил.

Черт возьми, даже костюм, который он надевал в музей «Беллхаус» на прошлой неделе, куплен два года назад.

Все это какая-то бессмыслица.

Единственное правдоподобное объяснение заключается в том, что этими деньгами – моими деньгами – он платит за молчание своей любовницы.

Я кричу.

Но только мысленно, в голове... там, где никто не услышит.

Глава 9

Рен

Кровать проседает, одеяло натягивается, и я пробуждаюсь от крепкого зимнего сна. Сон мне очень понравился, потому что в нем не было ничего похожего на стылую темную хижину. Там была Мама. И Иви. Там было тепло, и мы водили во дворе хоровод.

Но чем быстрее возвращаюсь к действительности, тем сильнее стирается из памяти сон, тем отчетливее я осознаю наше одиночество.

Сэйдж прижимается ко мне, этим и объясняется движение уложенных слоями лоскутных одеял. Она обнимает меня, пальцы ледяные. По моему телу пробегает легкая дрожь, потом я согреваюсь снова... или почти согреваюсь. Подоткнув одеяло, трогаю ее дрожащую руку – «гусиной кожи» нет, а значит, Сэйдж не замерзла – ей страшно.

Прошлым вечером кто-то стучал в нашу дверь. Мы ждали два часа, прежде чем осмелились выглянуть в окно. Убедившись, что незваный гость ушел, я с ножом в руке бросилась в курятник, чтобы забрать ружье.

Шестьдесят футов туда и шестьдесят обратно, и все бегом. Времени осматриваться, все ли в порядке, не было, но все вроде бы осталось на своих местах.

Может быть, мы вообразили себе этот стук? Может быть, это стрелял и трещал огонь в очаге или какой-то зверь точил когти о нашу дверь?

Вскоре мое левое ухо наполняется посапыванием сестры, и я ловлю себя на том, что снова ей завидую.

В последнее время я сильно устаю и все же иногда по ночам не могу заснуть, смотрю в потолок и считаю тиканье настенных часов, пока не впадаю в забытие. Иной раз насчитываю более двух тысяч. Раньше я, бывало, вставала и рисовала у огня, если не спалось. Но теперь от моих карандашей остались только огрызки, а бумага для рисования закончилась вскоре после того, как Мама с Иви ушли.

Иногда до того хочется рисовать, что пальцы ноют.

Такие ночи становятся сущей пыткой.

Вдыхаю ледяной воздух, выдыхаю и смотрю, как вокруг меня клубится пар. Осторожно приподнявшись, протираю глаза и стараюсь рассмотреть огонь, тлеющий в очаге в другом конце комнаты.

Сэйдж забыла перед сном подбросить дров.

Опять.

Сбрасываю с нас обеих одеяла, хватаю два небольших полена и кочергу и, сонная, кое-как умудряюсь оживить огонь.

Потираю руки и тяну ладони к жару очага. Когда в темноте больше не видно пара от дыхания, возвращаюсь в постель.

– Прости, Рен, – шепчет Сэйдж, полуоткрыв глаза.

– Все нормально. Спи.

Забравшись в постель, прижимаюсь к сестре, подсунув под нее руку. Волосы Сэйдж пахнут лавандовым молочным мылом, и это вроде должно успокаивать, но я только сильнее скучаю по Маме.

Закрываю глаза и стараюсь снова уснуть, но как только устраиваюсь поудобнее, раздается стук в дверь.

Три удара. Я уже почти решила, что мне приснился страшный сон, но Сэйдж садится в постели, и глаза у нее от испуга как блюдца. Она тянет одеяло к

подбородку, дрожит, а когда пробует что-то сказать, я закрываю ей рот ладонью.

По хижине снова разносится звук ударов. На этот раз стучат сильнее и быстрее.

– Я знаю, здесь кто-то есть. – Голос у чужака низкий, деревянная дверь глушит его. В тот миг, когда его кулак в третий раз касается двери, я начинаю действовать.

Выскочив из постели, бросаюсь за дробовиком. Ставлю у двери табуретку, забираюсь на нее, тянусь за оружием, стараясь сохранить равновесие.

Если этот незнакомец, этот незванный гость посмеет ступить в наш дом, я не колеблясь нажму на курок.

Я обязана защитить Сэйдж. Наш дом. Наше имущество. Нашу жизнь – или то, что от нее осталось.

Едва успеваю коснуться пальцами металлического ствола, как засов на двери не выдерживает, она распахивается и бьет по мне. Теряю опору и падаю на дощатый пол, так и не схватив ружье.

Зимний ветер врывается в наш дом, и Сэйдж пронзительно кричит.

В наш дом входит чужой.

Глава 10

Николетта

Понятия не имею, что ищу, но когда найду – узнаю.

Для человека творческого гардеробная Бранта в поразительном порядке. Полный ажур, все по полочкам, каждая вещь на своем месте. Уверена, свой

любимый кашемировый свитер он нашел бы с закрытыми глазами, поэтому все, до чего дотрагиваюсь, я кладу в точности как было.

Оглядываю полки со сложенными джинсами, полочку под зеркалом, заставленную его одеколонами «Боткир», «Крид», «Берберри», комод с аккуратно сложенными футболками и майками. Все вещи он надевал уже десятки раз.

Покусывая губу, стою в центре небольшой комнаты под элегантным хрустальным светильником, благодаря которому гардеробная больше похожа на мужской отдел в «Барниз», и разочарованно вздыхаю.

Он не менял одеколоны, не покупал новой одежды. В привычном режиме поддерживал себя в тонусе – пробежки в пять утра и иногда прогулки в лесу после полудня, если чувствовал, что нужно взбодриться.

Статьи, прочитанные мною за последние несколько недель, полны советов, контрольных вопросов и верных способов узнать, не обманывает ли вас супруг... И все-таки пока Брант не поддается ни одному из этих приемов.

Если не считать фотографии девочки – а она еще здесь, я проверила, – единственным полученным мною тревожным сигналом остается перевод нескольких тысяч долларов за последние месяцы. В результате каждой операции на сумму от двух до пяти тысяч долларов, а иногда и большую, деньги поступают, как оказалось, на наш совместный сберегательный счет, который, как я думала, мы закрыли в этом году. Помню, что подписывала бумаги. И помню, как он говорил, что зайдет в банк, когда поедет в город, и позаботится об остальном.

Он солгал...

Насколько я смогла понять, он снимал наличные с этого сберегательного счета. Вот где заканчивается след тех бумаг.

– Что ты здесь делаешь, Ник?

Голос Бранта эхом отдается от высокого потолка, и по моей спине пробегает дрожь.

– О господи, – говорю я, поворачиваясь к нему. – Ты меня напугал.

– Ищешь что-нибудь? – спрашивает он, изучающе глядя на меня. Должно быть, Брант сократил утреннюю пробежку.

Никогда не умела лгать, а это значит, что и на ходу выдумывать не умею.

– Свой ремень «Алтузарра», – отвечаю я. – Тот черный, с золотой пряжкой. Не могу найти. Подумала, вдруг он попал сюда вместе с твоими, по ошибке.

Брант всматривается в мои глаза целую секунду, показавшуюся вечностью, потом шагает через коридор в мою половину гардеробной. Возвращается, сжимая в кулаке черный ремень с золотой пряжкой. Шумно выдыхает через нос.

– Этот?

Изображаю невинную улыбку.

– Ой! Должно быть, между глаз попал.

Беру ремень, кладу руку ему на плечо, приподнимаюсь на цыпочки и целую мужа, тайком вдыхая его аромат. Словно могу учуять ее запах... Но нет, он пахнет Брантом. Кожаными сиденьями своей «Теслы», спиртовыми салфетками, которыми протирает объектив камеры, и немножко гелем «Ветивер» после утреннего душа.

– Пойду готовить завтрак, – говорю я, на секунду касаясь ладонью его груди, и ухожу.

Он дышит тяжелее, чем обычно, и взгляд необыкновенно пристальный. Я могу только догадываться, о чем он думает. Либо гадает, что я ищу, либо задумался, почему ищу именно здесь.

Что-то мне подсказывает: он знает ответы на оба вопроса.

За все эти годы я ни разу не рылась в его вещах.

Не было необходимости.

Кусая губы, по коридору иду к лестнице и останавливаюсь, взявшись за перила, чтобы переварить случившееся.

В будущем мне нужно быть осмотрительней... по крайней мере, пока не найду неопровержимых доказательств того, чем он занимается за моей спиной. А до тех пор важно вести себя так, будто все прекрасно. Если Брант заподозрит, что я за ним слежу, он тут же примется заметать следы, и тогда я ни за что не найду то, что ищу.

Направляюсь на кухню. Включаю плиту на разогрев и принимаюсь доставать и раскладывать ингредиенты на мраморной столешнице. Нарезая лук и перцы, включаю музыкальное приложение на телефоне и пускаю «Флитвуд Мак» через колонки на кухне.

Еще один обычный день...

Но проходя мимо зарядной панели, замечаю подключенный телефон Бранта. Смотрю вниз по лестнице, нет ли его поблизости, и нажимаю кнопку включения. На том сайте для обманутых супругов измененные телефонные пароли числятся в списке главных тревожных сигналов, но мне еще не удавалось заполучить телефон Бранта, когда его нет рядом. Батарея почти разряжена. Значит, он разговаривал весь последний час? В этой местности сигнал иногда слабый, если пользоваться телефоном слишком долго, аккумулятор садится быстрее.

Экран загорается белым окном уведомления. С номера 212 поступило сообщение.

Нет предварительного просмотра.

Контакт не обозначен никаким именем.

Воровато оглядывая кухню, убеждаюсь, что я совершенно одна, и набираю пароль, чтобы выполнить вход.

4-5-0-4.

Дата нашего первого свидания.

Телефон гудит и предлагает «повторить попытку».

4-5-0-4.

Просит повторить еще раз.

Странно. 4-5-0-4 – пароль из четырех цифр, который мы используем всюду. На кнопочной панели в гараже. Как пинкод для наших дебетовых карт. В качестве пароля к нашей охранной системе.

Хмурюсь, опять смотрю в сторону лестницы и пробую другую комбинацию.

8-9-7-9.

Его день рождения.

Телефон гудит, просит повторить.

Набираю свой день рождения.

Дату нашей свадьбы.

Номер нашего дома.

Последние четыре цифры его социальной страховки.

Телефон вибрирует, и меня уведомляют, что устройство заблокировано на пять минут в связи с большим количеством неверных попыток.

Дерьмо.

Тяжело вздохнув, возвращаюсь к столешнице и заканчиваю резать овощи. Стиви Никс печалится об утерянном былом, а я мысленно молюсь, чтобы в ближайшие пять минут муж не поднялся на кухню...

Глава 11

Рен

Обнимаю Сэйдж, она вся дрожит. Мы жмемся друг к другу на краю кровати в углу нашей лачуги, накидываем на себя одеяла, будто они могут защитить от этого неведомого чудовища за кухонным столом. Незнакомец возится с нашей керосиновой лампой.

– Сто лет такой вещью не пользовался, – сообщает он, когда огонек начинает лизать стекло изнутри.

Отблески пламени озаряют отметины и морщины на его лице. На щеках и лбу круглые ямочки, от крыльев носа к уголкам рта идут глубокие борозды.

Мама как-то говорила мне, что в стране свирепствуют болезни. Она утверждала, что люди всегда болели и умирали, передавая ужасные неизлечимые болезни от одного к другому.

Наверное, этот мужчина чем-то переболел.

Или болен до сих пор.

Он сбрасывает свою тяжелую куртку, не сводя с нас глаз.

– Тут хорошо. Тепло.

Мы молчим, а Сэйдж, похоже, даже ни разу не моргнула.

– Вас здесь только двое? – спрашивает чужак, закидывая ногу на ногу. Он крупный мужчина, а на нашем маленьком деревянном стуле кажется еще крупнее.

Сэйдж трясется, я стискиваю ее руками.

– До крайности странно наткнуться на двух одиноких юных леди в лесной глуши, – говорит он, ухмыляясь. – С вами точно больше никто не живет?

Я молчу.

– У вас имена есть? – интересуется он, снимая с головы шапку. Волосы у него темные, спутанные, словно давно не мытые. Чужак проводит по ним толстыми пальцами, но делает только хуже. – Сколько вам лет?

Мы упорно молчим. Он чужой. Непрошенный гость. Мы ему ничего не должны и не собираемся отвечать на его вопросы.

Наклонившись вбок, мужчина лезет в задний карман, достает что-то и с глухим стуком кладет на стол. Оно черное и со стволом, как наш дробовик. Должно быть, что-то вроде маленького ружья.

– Вы такое видели, девочки? – Он берет вещь со стола, показывает нам. В свете керосиновой лампы блестит темный металл.

Стискиваю зубы так, что сводит скулы, а ладони, прижатые к ночной сорочке Сэйдж, становятся влажными. Потом под мышками выступает пот, и тут я осознаю, что с той секунды, когда он ворвался сюда и заполнил наш дом чувством опасности, сама не перестаю дрожать.

– Полагаю, никакой розетки здесь нет? – спрашивает чужак, оглядывая хижину. Поднявшись, он обходит комнату, топоча и шаркая ботинками по деревянному полу. – Вы, девочки, электричеством пользуетесь?

Не знаю, о чем он говорит. Чем бы оно ни было, никогда про такое не слышала.

– Должно быть, вы меня разыгрываете, – произносит он, осмотрев нашу кухонную утварь. – Это какой-то «Домик в прерии».

Я читала книги, ими занята вся полка в углу, но не понимаю, что он имеет в виду и почему это кажется ему таким забавным.

Он снова опускается на один из кухонных стульев, и под его весом скрипят соединения. Вот бы стул под ним рассыпался, мелькает у меня в голове. Возможно, мы сумели бы убежать из дома, растеряйся он хоть на миг. Опять же, на дворе холодно, а у нас не будет времени ни шнурки завязать, ни куртки схватить. Без пищи и воды, не имея понятия, куда идти, мы умрем от переохлаждения – скорее всего, еще до восхода солнца.

– Где ваши родители? – спрашивает он, опуская щетинистый подбородок на кулак. Со своего места я вижу его ногти с въевшейся грязью и задаю себе вопрос, сколько же он бродил по лесу. – Я знаю, что вас здесь не двое.

Чужак разминает переносицу.

– Послушайте, девочки. Ничего плохого я вам не сделаю, но я кое-кого ищу и чувствую, что вы можете подтолкнуть меня в нужном направлении, так что если одна из вас не заговорит... – Он поднимается, заслоняя огромным телом тепло и свет очага. Идет по комнате к кровати Сэйдж и, не говоря ни слова, тянет к нам руки.

Закрываю глаза и так стискиваю сестру, что та ойкает. И тут же теряю ее – он выдергивает Сэйдж из моих объятий.

– Рен! – вопит сестренка, и я приоткрываю один зажмуренный глаз.

Она в руках незнакомца...

Вокруг меня только холод, пустота и скомканные одеяла.

Ее ногти впиваются в руку мужчины, но он даже не морщится.

С ухмылкой, от которой леденеет кровь, он смотрит на меня прищуренными глазами.

– Попробуем еще раз. Как твое имя?

У меня сжимается сердце – я вижу, как по бледным щекам сестры льются слезы.

Если он что-нибудь ей сделает, виновата буду я.

Не выдерживаю. Какое-то время угрюмо молчу, но говорю наконец:

– Рен.

– А ее? – Чужая ладонь лежит под острым подбородком Сэйдж, охватывая всю шею. Одно резкое движение – и жизнь покинет ее маленькое тело.

– Сэйдж, – выговариваю я, быстро переводя взгляд с него на нее и обратно.

– Сколько тебе лет? – спрашивает он.

– Девятнадцать. – Я сглатываю ком в горле. – Ей восемнадцать.

– Где ваши родители?

– Мать пошла в город за продуктами, – лгу я. – Она скоро вернется. В любой момент.

Губы его растягиваются, обнажая желтоватые зубы, но это не радостная улыбка.

– Думаешь, я идиот? – Он стискивает шею сестры, и та хватает воздух ртом. – Я тут брожу уже несколько дней. Здесь никого нет, кроме вас двоих. – Мужчина осматривается вокруг. – Но у вас четыре кровати. А на стене четыре крючка, хотя я вижу всего две куртки. Если совершь еще раз, Рен, пожалеешь.

Я отвожу взгляд.

– Так кто еще отсутствует на вечеринке? – спрашивает он.

Боюсь ему солгать, поэтому выкладываю правду:

– Наша сестра, Иви. Она ушла с Мамой в город.

Он ослабляет хватку на горле Сэйдж, но пока не отпускает. Перестает хмурить брови, жует губами, будто о чем-то задумался.

– Вашу мать зовут Мэгги Шарп, – произносит он. – Правильно?

Я качаю головой:

– Не знаю, кто это.

Никогда не задумывалась, есть ли у Мамы настоящее имя. Я звала ее «Мама», Сэйдж звала ее «Мама», Иви тоже. Не было причин называть ее иначе.

– Вот дерьмо, – брызжет слюной незнакомец. – Тогда как зовут вашу мать?

– У нее нет имени. – Голос у меня дрожит. Говорю правду, но под его взглядом чувствую себя так, будто вру.

Глубоко вздохнув, он наклоняет голову набок.

– Не играй со мной, Рен.

Положа руку на бешено бьющееся сердце, возражаю:

– Честно. Она просто... Мама.

– Как называл ее твой отец? – спрашивает незнакомец.

– Не знаю. Не помню.

– Как ты можешь не помнить?

– Он давно умер, – говорю я. Вместе с нашей старшей сестрой Имоджен, но этим я с чужаком не делюсь, потому что это не имеет отношения к делу. – Мы были маленькие. Я его почти не помню, поэтому не знаю, как он называл Маму.

Не помню даже его имени... Знаю только, что по пальцам одной руки можно пересчитать, сколько раз Мама упоминала его и Имоджен. Разговоры о прошлом, о том, как все было раньше, вызывали у нее грусть. С трудом представляю себе, что кто-то станет рассказывать про покойного мужа и умершего первого ребенка без особой необходимости. Я видела, как блестят от слез ее синие глаза, как отчаянно она старается сохранить самообладание, и внутри у меня все сжималось, поэтому со временем я просто перестала спрашивать.

Их тела погребены за домом, а могилы отмечены плакучей ивой и клумбой красных бальзаминов. Мама сажает их каждую весну, потому что это были любимые цветы Имоджен. Я точно знаю только то, что у папы были каштановые волосы и широкая улыбка, а Имоджен выглядела точь-в-точь как я. «Вас можно было бы принять за двойняшек, – всегда говорила мне мама. – Ты вылитая старшая сестра».

Застонав, чужак приподнимает и отталкивает Сэйдж. Она падает на пол, потом бросается через комнату в мои объятия.

– Я много дней ходил по этим лесам, – говорит он. – Устал, и терпение у меня на исходе. Вот что, девочки, не хочу орать на вас или делать такое, о чем утром пожалею, поэтому ложитесь в постель, а когда солнце взойдет, мы попробуем поговорить снова.

Сэйдж поднимает на меня глаза, а я стараюсь унять дыхание, чтобы успокоиться.

Незнакомец прикручивает фитиль лампы, пока пламя не гаснет, потом засовывает свое оружие за пояс брюк и направляется к маминой кровати. Взявшись дюжими руками за изножье, он всем телом начинает толкать кровать перед собой. Ножки скребут по полу, а он толкает и кряхтит.

Не спрашиваю, что он делает.

Я уже поняла.

Когда он заканчивает, кровать стоит вплотную к двери – нашему единственному пути спасения, если не считать пары маленьких окошек. Незнакомец тут же скидывает ботинки, расстегивает фланелевую рубашку, укрывается одним из маминых лоскутных одеял и, не теряя времени, вытягивается на кровати.

– Засыпайте, девочки. Скоро утро.

Взяв сестру под руку, веду ее к кровати Иви. Она стоит дальше всех от чужака, и мы забираемся в постель. Пропускаю ее вперед, решив, что Сэйдж будет чувствовать себя спокойней между стеной и мною, и расправляю одеяла.

Укладываюсь на бок и сквозь прищуренный глаз слежу за незнакомцем, потому что интуицией чувствую: его ни на секунду нельзя упускать из виду.

Раз дело касается нашей безопасности – и жизни, – буду следить за ним всю ночь.

Кроме того, я все равно не засну.

Только не в его присутствии.

Когда неизвестно, кто он и чего хочет от нас.

И что собирается сделать с нами утром.

Глава 12

Николетта

– Когда улетаешь? – Муж проводит пальцем по корешкам книг в магазине на Хэнкок-драйв. Это модернизированная версия Мейн-стрит в Стиллауотер-Хиллз.

Здесь каждый магазин, каждая витрина скопирована со старых построек, выполненных в викторианском или тюдоровском стиле и уцелевших со времен расцвета угледобычи в окрестностях городка.

Вот чем мы заняты по субботам. Поздний завтрак съедаем в сонном придорожном кафе, где нас знают по именам, потом направляемся в «Рейвен-Букс» – купить последние бестселлеры. В полдень возвращаемся домой и занимаемся своими делами, то есть Брант удаляется к себе в кабинет, а я стираю, убираю и общаюсь по телефону с подругами и родней. Иногда принимаю ванну с пеной, если скучно. Под настроение совершаю онлайн-покупки в своих любимых бутиках Нью-Йорка. Там меня давным-давно называют по имени.

Хотя так было не всегда.

Когда-то мы проводили субботы в постели, делая перерывы, чтобы принять душ и заново наполнить бокалы. Мы их называли «голыми субботами», так было модно в то время. Теперь, когда все это в прошлом, я уж и вспомнить не могу, сама к ним охладела или у мужа пропало желание. А это о чем-то говорит.

– Разве я тебе не говорила? – удивляюсь я. Брант поворачивается ко мне, приподнимает одну бровь песочного цвета. – В этом году я не еду.

Его рука отрывается от обложки «Алхимика», муж наклоняется ко мне.

– Не едешь? В смысле, совсем не едешь?

Я понимаю, куда он клонит. На протяжении всей нашей совместной жизни самые холодные месяцы я провожу в Майами со своей лучшей подругой Кейт. Солнце и избыток витамина D всегда спасали меня от зимней хандры. К тому же Кейт еще и непоседа. Я очень дорожу нашей дружбой, но, хотя имею возможность уехать прямо сейчас, сделать этого не могу.

У меня осталось слишком много вопросов.

– Ник... – Голос Бранта звучит мягко, и я понимаю, что он пробует порассуждать со мной на эту тему. – Ты окончательно решила?

Киваю и снова принимаюсь рассматривать книги. Беру с полки «Атлант расправил плечи», листаю, как делала уже тысячу раз, рассчитывая, что она заинтересует меня. Такого рода книги увлекают Бранта, но мои вкусы, увы, все так же концентрируются в сфере коммерции.

– Ты же сама знаешь, как переносишь это время года, – говорит он, подходя ближе.

Захлопываю книгу и вздыхаю.

– Знаю.

– И эти твои плохие сны, – добавляет он, словно мне требуется напоминание, словно можно забыть месяцами повторяющийся кошмар про пустую коляску. Такие сны никому не понравятся, но теперь я к ним привыкла. Воспринимаю их как символ, обозначающий мою неспособность родить ребенка, а зимние месяцы с голыми деревьями и унылым небом просто служат ежегодным напоминанием.

– Я не позволю своим кошмарам диктовать, когда мне ехать во Флориду, а когда – нет.

– А как отнеслась к этому Кейт? – спрашивает муж.

– Она, конечно, огорчилась, но поняла меня. Сказала, приедет сюда на несколько недель, если мне хочется, – отвечаю я. И это правда. Кейт, естественно, по моему голосу почувствовала что-то неладное, но тогда я ей не могла сказать. Такие вещи с лучшей подругой по телефону не обсуждают. О них говорят при личной встрече, и только когда у вас достаточно доказательств, что вы не скучающая домохозяйка, устраивающая драму из-за того, что ей одиноко.

– Может, все-таки поедешь, хотя бы на несколько недель? – предлагает он. – Максимум на месяц.

Я усмехаюсь, машу рукой как можно небрежнее.

– Ты слишком беспокоишься.

– Боюсь... боюсь, я просто не понимаю, – возражает он. Тот факт, что он не хочет согласиться, настораживает, но отнюдь меня не удивляет. Во всяком случае, только подтверждает мои ожидания: он хочет, чтобы я уехала.

Возможно, ему это даже необходимо.

Поворачиваюсь к Бранту и с улыбкой спрашиваю:

– Есть что-то предосудительное в стремлении провести побольше времени с мужем?

– Конечно, нет. Я просто опасаюсь, что твоя... хандра... вернется и возьмет реванш.

Мне вспоминается зима того года, когда мне удалили матку. Все началось с сильнейшего кровотечения, от которого я без сознания рухнула на пол. Брант доставил меня в местное отделение неотложной помощи. Все случилось быстро, как в страшном сне, о котором лучше забыть.

Смутно помню, что даже днем восемьдесят процентов времени спала, восстанавливаясь после операции. Исхудала так, что одни кости остались. Те крохи энергии, что меня не покинули, тратила, вслушиваясь в телефонные разговоры Бранта с моим врачом, доносившиеся из соседней комнаты. Тогда он переживал за меня, волновался, что я не справлюсь, не стану снова той девушкой, на которой он женился, не буду больше смеяться. Он все время повторял слово «травматический». Думаю, однако, что людям и через худшее доводилось проходить.

В конце концов, я же выжила.

Но больше всего мне запомнилось из того периода жизни, что Брант легко мог отказаться от меня, передать родителям и умыть руки, но все же этого не сделал.

Он остался.

И заботился обо мне.

Он любил меня, несмотря ни на что. Несмотря на рыдания, кошмары про пустые коляски, перепады настроения и апатию.

– Прошло много времени с тех пор, как это случилось, – напоминаю я ему. Та первая зима была ужасной, и мне до сих пор кажется, что летаргическое состояние было спровоцировано гормональным дисбалансом после операции. Хотя на стенке у меня не висит медицинский диплом Гарварда и мои предположения всегда можно опровергнуть.

– Правильно. Потому что на зиму ты всегда уезжала к Кейт. – С самого начала разговора он не отворачивается от меня, а сейчас уперся кулаком в бок. В нем закипает раздражение, и оно вот-вот прорвется. – Уверена, что этого хочешь?

Взглянув на него, спрашиваю с улыбкой:

– А что? Это спутает твои планы на зиму?

– Ник... – Он мрачнеет и не отвечает на улыбку. Похоже, ему не нравится, что я не воспринимаю всерьез его озабоченность. – Я пытаюсь вызвать тебя на откровенный разговор, и этот предмет для меня в высшей степени важен.

Сердце у меня сжимается. Убеждена, что в словах его присутствует скрытый смысл. Он волнуется не столько обо мне, сколько о том, что я могу узнать его тайну.

– Пожалуйста, не делай из мухи слона, – прошу я. – Я долго над этим думала. Уже десять лет я на антидепрессантах и хочу узнать, сумею ли вынести зиму здесь. Если придется туго, обещаю, что ты посадишь меня на ближайший самолет до Майами – возражать не стану. Просто... позволь мне понять, способна ли я на это. Я, по крайней мере, хотела бы попробовать.

Зеленые глаза Бранта теплеют, он берет мою руку, подносит к губам, целует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kent_minka/devushki-iz-hizhiny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)